

Своеобразие жанровых номинаций в прозе А. Кабакова

Александр Кабаков – автор, присутствующий в поле отечественной литературы на протяжении тридцати лет. Творческий путь А. Кабакова представляется интересным для изучения в том числе и тем, что являет собой феномен позднего вхождения в литературу. Именно в наши дни он становится одним из писателей, определяющих вектор развития современной литературы. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2007 году издательством «Вагриус» было издано своеобразное собрание сочинений писателя в пяти томах. До этого времени была опубликована лишь часть его произведений на страницах таких журналов, как «Дом кино», «Махаон», «Искусство кино» и «Знамя».

В обозначенном собрании сочинений опубликованы не только принесший писателю известность роман-антиутопия «Невозвращенец», но также романы «Все поправимо», «Ударом на удар, или Подход Кристаповича», «Самозванец», «Сочинитель», «Последний герой», «Поздний гость», повести «Бульварный роман», «Масло, запятая, холст» и «День из жизни глупца», а также цикл рассказов «Московские сказки».

Мы позволили себе перечислить произведения, поскольку очевидно, что названия многих из них уже содержат в себе авторское определение жанра. Также это определение содержится в подзаголовочных комплексах.

Сама поэтика заглавий позволяет говорить о литературности как особой составляющей творческой индивидуальности писателя. А. Кабаков показывает, как важны для него культурный опыт и традиции, которые несет собой классическая литература. «Смею надеяться, что работаю в традициях русской литературы. Работать, отрицая их, мне и в голову не приходит. В нынешней литературе я не принимаю именно то, что демонстративно разрывает эти традиции. Не принимаю и передразнивание этих традиций, что сейчас очень модно в нашей постмодернистской культуре... У меня есть набор русских любимых прозаиков, именно прозаиков, среди которых первый – Пушкин, второй – Лермонтов, третий – Бунин.

Но есть люди, которых я считаю своими прямыми литературными учителями, – это Юрий Трифонов и Василий Аксенов, несмотря на то, что с Трифоновым я знаком не был. А с Аксеновым знаком хорошо» [1], – говорит писатель.

Определяя литературность как систему принципов жанровой организации текстов в процессе их создания и функционирования, А. В. Кубасов говорит о том, что она «обуславливает повышенную меру условности. Вокруг данного материала сгущаются всевозможные чисто художественные реминисценции других литературных произведений, направлений, школ, эпох. Материал обрастает чисто художественными ассоциациями, отзвуками, намеками. Его литературность вследствие этого ощущается особенно остро» [2, с. 16–17]. А. Кабаков маркирует свои тексты знаками, позволяющими увидеть его бережное отношение к традиции и собственное позиционирование в современной литературе. В этом случае литературность выступает как творческое самоопределение автора.

Причастность к традициям русской литературы является для А. Кабакова необходимым условием присутствия в литературном поле. Литературность является одной из наиболее значимых характеристик художественного мира писателя. В его творчестве обнаруживается ориентация на включение литературы как реальности, которая сосуществует параллельно с реальностью бытовой и которая позволяет создать особый образ мира с его законами и правилами.

Мифы, сюжеты и образы предшествующей культуры становятся средством выражения авторских представлений о мире, выступают в качестве стратегии, устанавливающей отношения писателя с литературой.

В творчестве писателя актуализированы те способы изображения действительности, которые в разное время были предложены русской литературой, благодаря чему в прозе А. Кабакова возникают различные варианты освоения чужого текста. Автор обращается к читателю образованному, умеющему увидеть игру с литературными текстами предшествующих эпох. Можно говорить о том, что А. Кабаков следует здесь булгаковской традиции. «Булгаков “играет литературой”, нередко конструктивно осваивая в игровой огласовке целые классические сюжеты и оформляя смешное двуголосье литературного “кода” и впечатлений текущей практической жизни. Подобные тексты содержат в себе установку на смеющегося читателя, который, неся в памяти литературные ассоциации, легко ловит моменты, где они “искрятся” в соприкосновении с его собственным житейским опытом» [3, с. 254], – пишет В. В. Химич.

Писатель акцентирует связь с литературной традицией путем включения в текст цитат и реминисценций, на уровне заглавий произведений, имен и фамилий героев, а также на сюжетном уровне. Одним из наиболее важных при этом становится принцип выбора жанров, главным из которых становится роман. Романное мышление писателя проявляется в бережном отношении к этому жанру и его поэтике. Очевидно наследование писателем традиций А. Пушкина, И. Бунина и М. Булгакова. Также автор обращается к жанрам повести и рассказа. И здесь очевидны традиции А. Чехова, И. Тургенева, Л. Андреева.

«Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, “вековечные” тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря постоянному ее обновлению, так сказать, осовременению. Жанр всегда и тот и не тот, всегда и стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы, и в каждом индивидуальном произведении жизнь жанра. Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, то есть способная обновляться архаика. Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития. Именно поэтому жанр и способен обеспечить единство и непрерывность этого развития» [4, с. 9], – пишет М. Бахтин.

Жанр для А. Кабакова есть средство литературной памяти, способ преодоления кризисов исторического сознания, посредством которого прошлый, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий, опыт оформляется в определенную целостность, в рамках которой эти события приобретают смысл. Стремление к прочности и основательности повествования проявляется в бережном отношении к обозначенным традиционным жанрам.

Остановимся подробнее на двух наиболее показательных примерах заглавий, выступающих в качестве авторской номинации жанра произведения. Повесть «Бульварный роман» заключает в своем названии не только аллюзию со «Скучной историей» и «Дамой с собачкой» А. П. Чехова, но также возможности множественного толкования. Само же определение произведения «роман» выступает и в значении «отношения» и одновременно характеризует авторское определение жанра произведения: роман как жанр. Очевидна установка писателя на игру с читателем: намеренное «снижение» произведения до «бульварного», будто бы повседневного, обыденного и тривиального обращает внимание читателя на

повторяемость сюжета, а также акцентирует предельное внимание автора к событиям повседневности, к предметному миру, ко всему тому, что обычно ускользает от взгляда.

Примечателен также случай смены жанрового определения в цикле рассказов «Московские сказки», первоначально носившем название «Рассказы на ночь». Перед публикацией первой части цикла в журнале «Знамя» А. Кабаков пишет: «Все мною прежде написанное смешивало, в той или иной пропорции, наружную, натуральную жизнь, полную мелких подробностей, с жизнью тайной, волшебной, идущей под оболочкой быта.

В “Рассказах на ночь” я обратился к жанру, многими – от классиков до моих литературных приятелей – испробованному: к пересказу бродячих легенд, оживлению давно знакомых героев. Следование канону, мне кажется, придает тексту неожиданную свободу. А чего, как не свободы, может пожелать автор своей выдумке?» [5].

Говоря о следовании канону, автор называет свои произведения рассказами. Но уже через некоторое время, публикуя вторую часть цикла, он скажет: «... в последние годы народ во всем мире совершенно помешался на сказках. Взрослые люди читают детские книжки о мальчишке, летающем на метле, о чудовищах, пришельцах и прочей сверхъестественной чепухе. Такие сочинения выходят многомиллионными тиражами, лирической прозе отведено место в литературной резервации. Меня это, надо признаться, здорово раздражало – пока я не обнаружил, что тоже пишу сказки на старые популярные сюжеты... От того, что носится в воздухе, не убережешься» [6].

Таким образом, цикл «Рассказы на ночь» в своем книжном варианте получил название «Московские сказки», что, с одной стороны, отражает тенденции в современной литературе, обозначенные автором, а с другой – акцентирует связь с традицией.

Оба варианта заглавия цикла обращают на себя внимание читателя, поскольку изначально предстают не как просто рассказы, но рассказы на ночь, и далее не просто сказки, но «Московские сказки». В этом вновь видится установка на игровое начало, на возможность множественного прочтения. Очевиден сдвиг, который акцентирован автором в заглавии, на преломление смысла, традиционное для прозы А. Кабакова. Так, название «Московские сказки» вызывает ассоциации и со сказками А. С. Пушкина, и с «Московскими повестями» Ю. В. Трифонова, создавая своеобразный синтез традиций этих писателей, который находит свое продолжение в системе образов и сюжетах рассказов. Подзаголовочные комплексы в прозе А. Кабакова также свидетельствуют о том, что писа-

тель намеренно характеризует произведения с установкой на широкий культурный контекст, позволяя увидеть «мозаичность» смыслов.

Роман «Все поправимо» писатель определяет как «хроники частной жизни», акцентируя таким образом круг проблем произведения: предметный мир, повседневность, быт. Видение подробностей материального мира, умение разглядеть за каждой вещью событие – одна из важных составляющих творческой индивидуальности А. Кабакова. Вещи и предметы в произведениях автора приобретают статус знака, маркера, приметы времени. Любая вещь, приобретенная или полученная в подарок, становится частью жизни, хранителем культурной памяти, обретает свою историю.

Повесть «День из жизни глупца» имеет подзаголовок «маленький неоконченный роман». Здесь если само заглавие произведения напоминает об «Одном дне Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и «Идиоте» Ф. М. Достоевского, то подзаголовок перекликается с «Зеленой косой» А. П. Чехова, определяемой классиком как «маленький роман». Авторское определение «маленький неоконченный» отражает особую черту творческой индивидуальности писателя, раскрывающуюся в поэтике заголовочно-финальных комплексов. Писатель не ставит точку в своих произведениях. Их финалы всегда содержат в себе «вдох», дающий возможность досказать, продолжить, и, самое главное, оставляющий надежду. Роман «Поздний гость», определяемый автором как «история неудачи», отсылает нас к «Степи» А. П. Чехова, имеющей подзаголовок «История одной поездки», а также к «Скучной истории» классика.

Так авторские определения жанра в прозе А. Кабакова, рассмотренные в совокупности с заглавиями и эпитафиями, расширяют контекст произведения, создавая связи не только между самими произведениями автора, но и с текстами классической литературы. Одновременно автор дает ключ к своему прочтению текста. Акцентируя значимость классической русской литературы в своем творчестве, А. Кабаков благодаря прозрачности цитат, узнаваемости заглавий и своеобразию жанровых определений расширяет контекст своих произведений, создает возможность для многоверсионного прочтения. В прозе А. Кабакова всегда акцентирован сдвиг известного сюжета, преломление смысла.

Принцип обнажения приема, в котором проявляется «коккетство текста» Кабакова [3, с. 284], есть не только отражение авторской стратегии интертекстуальности, но также установка на игру с классическими произведениями и игру с читателем, с его возможностями декодирования имеющихся в тексте знаков.

Таким образом, своеобразие авторских определений жанра в прозе А. Кабакова является одной из важных составляющих творческой индивидуальности писателя – литературности. Литературность прозы писателя есть установка на понимающего читателя, который не только несет в своей памяти ассоциации, но и обнаруживает моменты соприкосновения с житейскими впечатлениями и деталями сегодняшней жизни, на того читателя, которого он обретает именно сегодня.

-
1. Александр Кабаков в эфире Радио «Культура». URL: <http://www.cultradio.ru/doc.html?id=45146&cid=46>
 2. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации / Екатеринбург, 1998.
 3. Химич В. В. В мире Булгакова. Екатеринбург, 2003.
 4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
 5. Кабаков А. А. Авторское предисловие к «Рассказам на ночь» / Знамя. 2004. № 9.
 6. Кабаков А. А. Авторское предисловие к «Рассказам на ночь» // Знамя. 2005. № 1.

Е. М. Ставцева
г. Челябинск

Особенности жанрово-стилевой трансформации современной уральской прозы

Целостность рассматриваемых нами в рамках поставленной темы произведений обеспечивается всеми художественными структурами, образующими их «каркас»: не только стиль, но и жанр в совокупности с принципами творческого метода формируют произведение как идейно-эстетическое целое. Каждая из всех трех структур (стиль, жанр, метод) обеспечивает свой аспект целостности. Стилевой диапазон произведений и собственно-авторских стилей достаточно широк и эклектичен по своей природе. Понятием «стиль» мы обозначаем один из фундаментальных законов художественного творчества, без которых невозможно создание художественного произведения, этого законченного продукта писательского труда, и возникновение иных, более крупных художественных систем (литературных школ, течений, направлений). Однако, несмотря на то, что термин «стиль» существует с очень давних времен, а попыток определения сущности самого закона стиля предпринималось колоссаль-